УДК 9;94 DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-2-120-133

***БАУШОВ Руслан Борисович*,** аспирант Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID: 1103527

***BAUSHOV R.B.*,** Postgraduate student Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ 1808–1814 ГОДОВ В СИСТЕМЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

THE IMPLEMENTATION OF THE REFORMS 1808-1814 IN THE SYSTEM OF THEOLOGICAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF KURSK THEOLOGICAL SEMINARY

Аннотация. Целью статьи является изучение реформ в сфере духовного образования в начале XIX века на примере Курской духовной семинарии.

Методы исследования. Метод компаративного анализа позволил сравнить реформу, проведённую в Курской духовной семинарии, с другими реформами, которые проводились в системе духовного образования в иных регионах России в это же время. Это включало анализ исторических документов и воспоминаний участников для получения данных о принципах и механизмах проведения мероприятий, анализа их результатов и эффективности, а также позволило понять степень влияния введённых инноваций на духовное образование в регионе. Были выявлены принципы и механизмы реформы, её цели и задачи, оценены её результаты и эффективность. Учитывался социально-исторический контекст того времени, что позволило понять причины проведения реформы и осознать её значение для духовного образования в России. Хотя в российской историографии реформы 1808–1814 годов изучены достаточно полно, но их локальное воплощение в Курской семинарии не было подробно рассмотрено в исторических сочинениях. В процессе исследования было изучено формирование концепции проведения реформ 1808–1814 годов в Курской духовной семинарии, практика их реализации и существенные последствия от их проведения. Было осуществлено сравнение требований устава 1814 года с его претворением в жизни Курской семинарии. В то же время в исследовании показано, что при всех достоинствах реформы духовного образования 1808–1814 годов они обозначили ряд новых проблем. Опыт проведения исследуемых реформ в Курской духовной семинарии имел свою специфику. Их осуществление способствовало развитию просвещения в Курском крае.

Ключевые слова: православие, Русская Церковь, реформа, духовное образование, Курская духовная семинария, эффективность преподавания, священнослужители, семинаристы.

Abstract. The purpose of the article is to study the implementation of the reforms in the system of theological education at the beginning of the 19th century on the example of Kursk Theological Seminary. Some historical research methods are used to analyze the sources and documents of that period. The interview method is used to study the opinions and views of the participants themselves, as well as contemporaries. The method of comparative analysis is used to compare the reform carried out at Kursk The statistical analysis method is used to study the quantitative parameters associated with the reform The system of research methods help to get a complete picture of the changes carried out. This includes the analysis of historical documents and memoirs of participants to obtain data on the principles and mechanisms of events, analysis of their results and effectiveness, and also allowed to understand the degree of influence of the introduced innovations on theological education in the region. The principles and mechanisms of the reform, its goals and objectives are identified, its results and effectiveness are evaluated. As a result, the author comes to the conclusion that taking into account the socio-historical context of that time, which made it possible to understand the reasons for the reform and realize its importance for theological education in Russia. The author emphasizes that although the reforms 1808-1814 have been studied quite fully in Russian historiography, their local implementation in Kursk Theological Seminary has not been considered in detail in historical writings. In the research process, the formation of the concept of the reforms 1808-1814 in Kursk Theological Seminary, the practice of their implementation and the significant consequences of their implementation were studied. The requirements of the charter 1814 are compared with its implementation in the life of Kursk Theological Seminary. At the same time, the study shows that despite all the advantages of the reform of theological education in 1808-1814, they identified a number of new problems. The experience of carrying out the reforms under study at Kursk Theological Seminary had its own specifics. Their implementation contributed to the development of education in Kursk Region.

Keywords: Orthodoxy, Russian Church, reform, theological education, Kursk Theological Seminary, teaching effectiveness, priests, seminarians.

ВВЕДЕНИЕ

Реформа 1808–1814 годов заложила фундамент в системе духовного образования, опираясь на который, до сих пор стоит система духовных школ России. Конечно, за более чем двухсотлетний период произошли изменения в строе духовных школ, но уход от схоластических форм в обучении, развитие собственной богословской мысли отталкиваются от реформ начала XIX века. В настоящее время мы тоже переживаем реформирование духовных школ Русской Православной Церкви. Исходя из этого, актуальность работы видится в том, что есть возможность провести параллели, уяснить достоинства и недостатки пройденных реформ, полученный опыт применить в период современного реформирования. Рассмотрение процесса проведения реформ на примере конкретного учебного заведения позволит не только увидеть теоретическую основу их проведения, но и процесс их практического воплощения. Это очень важная деталь. Реформы практически реализуются на местах под руководством конкретных людей, которые могут не разделять взглядов начальства, иметь недостаточную квалификацию для воплощения реформ в жизнь или быть заложниками обстоятельств, не позволивших воплотиться реформаторским идеям. Этот опыт также необходим к изучению. Реформа 1808–1814 годов как преодолела, так и обнажила проблемные места в сфере духовного образования. Их можно увидеть на примере Курской духовной семинарии. С этой целью проводится анализ требований устава 1814 года касательно устройства духовных семинарий. Проводится сравнение соответствия действительной жизни семинарии с требованиями устава. Выявляются обнаруженные расхождения. Теме внедрения реформ 1808–1814 годов посвящены исследования Б. В. Татлинова, И. К. Смолича, В. А. Фёдорова, Н. Ю. Суховой, дореформенный период подробно исследован П. В. Знаменским. История Курской духовной семинарии прослеживается в трудах священника И. Затолокина и Ю. А. Бугрова.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Период реализации реформы охватывает 1808–1839 годы. К началу реформ 1808 года в Курской епархии была одна семинария и девять епархиальных училищ. По количеству училищ Курская епархия занимала второе место, а по количеству обучающихся в семинарии (около 900 человек) – третье место [26, С. 5]. После секуляризации церковных земель при Екатерине II и увеличении содержания духовных учебных заведений в 1800 году Курская семинария получала 2000 рублей в год, почти на 1000 человек учеников [5, С. 501]. Это были очень скудные средства, и в числе прочего поэтому духовенство не стремилось отдавать своих детей в такую нищету, хотя и были под пристальным взором правящих архиереев и императорские указы периодически напоминали об этом. Нередко из-за недостаточного материального обеспечения из духовных школ сбегали не только ученики, но и учителя [24, С. 118]. Все духовные школы находились в подчинении правящего архиерея, который обращался по духовно-учебному делу в Священный Синод лишь при исключительной необходимости. Духовные школы были всесословными, а учебная программа была одной из самых широких и разнообразных. В итоге к реформам 1814 года духовные школы в большинстве своем подошли со следующими недостатками. Прежде всего, забота о духовном образовании ложилась на плечи правящего архиерея и зависела от его взгляда на важность духовных школ. В учебном процессе не было строгого единообразия. Хотя духовные школы равнялись на авторитетнейшие духовные заведения, такие как Киевская академия, но имели неограниченную свободу в формировании собственных учебных планов. Материальное обеспечение духовных школ было довольно низко. Эти недостатки была призвана изменить реформа 1814 года.

Векторы необходимых реформ при императоре Александре I указал епископ Евгений Болховитинов. Он составил предпроект, опросив архиереев академий. К тому времени

светские учебные заведения уже вступили на путь реформ, это же ожидало и духовное образование. Основные векторы реформ, предложенные епископом Евгением: сокращение роли латыни в преподавании; придание академическому образованию более научного характера, чем дидактического. Академии должны стать по примеру светских университетов центрами учебных округов, за которыми закреплялись бы конкретные семинарии, училища и школы. Академии также наделялись правами духовной цензуры.

Владыку Евгения поддержали не все архиереи, особенно в вопросе подчинения семинарий академиям, ссылаясь на то, что это принесет «затруднение» архиереям. Но епископ Белгородский и Курский Феоктист (Мочульский) отнесся к этому проекту положительно [26, С. 21]. После представления такого предпроекта был создан подготовительный комитет об «усовершении» духовных училищ, который, собственно, и разработал ряд реформ в сфере духовного образования.

Согласно императорскому указу от 26 июня 1808 года при Священном Синоде создается Комиссия духовных училищ для управления духовными учебными заведениями. Деятельность духовных училищ должна подчиняться следующим началам: изучать преимущественно предметы церковные, языки – латинский, греческий, славянский, российский, Священное Писание, историю Церкви, богословие. Духовное училище должно иметь собственное управление, независимое от гражданских училищ, так как предметы и образ воспитания лиц духовных отличны от обучения лиц светских. В академиях в большей степени планируется изучать философию и богословие, в семинариях – словесность. Лучшим ученикам семинарии теперь открыта дорога в духовные академии и в медицинскую академию. Уездные и приходские училища дадут необходимые знания детям городским и сельским. Четырёхступенчатая схема обучения была составлена с опорой на уже имеющуюся схему гражданского просвещения, составленную министерством народного просвещения. Ученики начинают свое обучение с приходских училищ, затем обучаются в уездных училищах, семинариях и академиях. Не запрещено брать учеников сразу в уездные училища или семинарии, если видно, что ученик преуспел в домашнем обучении [22, С. 372].

Курская семинария была приписана к Киевскому округу, соответственно, её учащиеся могли поступать для дальнейшего обучения в Киевскую академию. Все семинарии поделили на разряды с целью выделения средств на обеспечение учебного процесса, оплату педагогов, содержание учащихся. На семинарии высшего разряда выделялось 17 000 руб., среднего – 14 375 руб., низшего – 12 850 руб. из расчёта 100 обучаемых семинаристов за казенный счёт [22, С. 377]. Курская семинария относилась к третьему, низшему разряду.

Открытие духовных школ в Курско-Белгородской епархии по новому уставу состоялось лишь в 1817 году. Это связано с поэтапным преобразованием училищных округов. Сначала реформы коснулись Санкт-Петербургского и Московского округов, затем Киевского округа, в зону ответственности которого входила Курская семинария. Основная причина в такой поэтапности кроется не только в отсутствии средств к моментальному преобразованию всех ученических округов, но и в отсутствии преподавателей, способных вести предметы по новым конспектам нового учебного плана. Поэтому Комитетом духовных училищ было принято решение подготовить кадры для преподавания в семинариях в Санкт-Петербургской академии и направить их в качестве преподавателей в семинарии Киевского округа. Через два года после начала обучения в семинариях по новым конспектам началось реформирование Киевской академии. В связи с этим Курская духовная семинария на протяжении двух лет (с 1817 по 1819 год) была подчинена правлению Санкт-Петербургской духовной академии по Киевскому округу [2, С. 12]. Согласно требованиям, предъявляемым к преподавательскому составу, из семи человек, включая ректора семинарии протоиерея Иоанна Савченкова, не смогли преподавать далее три учителя –

они были заменены кандидатами Санкт-Петербургской академии. Также во главе с ректором было сформировано правление, которое включало в себя инспектора семинарии, учителя и эконома. В семинарию из академии были присланы конспекты по всем предметам, кроме языков, расписание учебных часов, реестр классических книг и учебных пособий, которые употребляются в уездных и приходских училищах [6, С. 640].

Устройство духовной семинарии сообразовывалось согласно с уставом духовных училищ, который был подписан императором Александром I 30 августа 1814 года [23, С. 955]. Непосредственный надзор за деятельностью правления семинарии теперь принадлежал окружному академическому правлению. С 1814 по 1839 год семинарию ревизовали четыре раза. Ревизии назначало окружное академическое правление, с 1819 года Курская семинария стала подчиняться Киевскому академическому правлению. Наиболее строгим был отзыв второго ревизора Киевской академии – профессора, протоиерея Иоанна Скворцова, который проводил ревизию семинарии в 1828 году. Именно его отзыв позволяет вскрыть внутренние наиболее проблематичные места реформируемой семинарии.

Трансформации в системе духовного образования в начале XIX века на примере Курской духовной семинарии можно рассмотреть исходя из изменений в следующих основных процессах: процессе обучения, процессе воспитания, процессе материального обеспечения и административного управления.

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Согласно уставу 1814 года в каждой епархии должна быть одна семинария. В неё принимались дети со свидетельствами об окончании уездных училищ. Семинарский курс делился на три части, которые получили название по основным предметам – словесности, философии и богословия. Каждая часть длилась 2 года.

Согласно указу «О усовершении духовных училищ» в разделе «О училищах епархиальных или семинариях» приводится следующее распределение предметов по классам: в 1-м классе словесных наук изучались риторика, российский, греческий, латинский языки, филология, эстетика; во 2-м классе исторических наук изучались история и география всеобщая, библейская и церковная; в 3-м классе математических наук изучались алгебра, геометрия, механика, математическая география, пасхалия; в 4-м классе философских наук изучались логика, метафизика, физика, нравоучение; в 5-м классе богословских наук изучались догматическое и моральное богословие, герменевтика, изъяснение церковных обрядов; в 6-м классе языков изучались еврейский, немецкий и французский языки по выбору. Предметы с 1-го по 3-й класс должны преподаваться на российском языке, 4-й и 5-й класс – на латинском языке. То есть предметы философские и богословские преподавались на латыни. Тем, кто не собирался поступать в духовные академии, но хотел быть священнослужителем, достаточно обучаться 4 года. Тем, кто претендовал учиться в академии, необходимо обучаться в философском и богословском классе. В семинарии должно быть шесть учителей с аттестатами окружной академии, их увольнение и прием на работу осуществляется по усмотрению правления семинарии с донесением правлению окружной академии. Семинария должна располагаться в казенном доме либо арендуемом за казенный счёт [22, С. 362].

При анализе преподаваемых предметов заметно, что они не представляют единой системы, а преподаваемый в классе богословия блок предметов с серьёзным перекосом в сторону богословия и мало затрагивает библеистику. Обширному материалу по изучению Священного Писания отдавалось настолько мало времени, что преподаватель не успевал выдать весь курс ученикам. Корректировка устава 1814 года предполагала изучение Священного Писания семинаристами всех курсов одновременно по субботам в течение двух часов. На практике при многолюдных семинариях подобное изучение оставалось

бесплодным. Не хватало не только помещений на такое большое количество учащихся, но и времени на перекличку, проверку усвоения изученного материала. Такое преподавание не было эффективно, и ректор Курской семинарии протоиерей Иоанн Савченков перенес преподавание этого предмета в кафедральный собор, где по воскресным дням изъяснял важные места Библии всем желающим [9, С. 881]. С начала 1830 года изучать Священное Писание стали по классам. Но скудость средств была настолько велика, что для изучения Священного Писания не хватало даже Библий [19, С. 133].

Устав требовал от преподавателей изъяснять свои предметы устно, не зачитывая, с целью увлечь студентов мыслить самостоятельно. При ведении урока необходимо было заставлять учащихся не заучивать, а понимать предмет. Те преподаватели, кто поступал вопреки уставу, подвергались взысканиям. Так, в 1820 году при ревизии семинарии инспектором Киевской духовной академии иеромонахом Мелетием нелестную оценку получил преподаватель гражданской истории Алексей Александровский, который «занимал больше память, чем ум», за что получил строгий выговор [9, С. 885]. Наилучшим методом преподавания дисциплин считался метод, описанный в уставе 1814 года, когда преподаватель изъяснял урок, затем опрашивал учащихся по пройденному материалу, задавал по нему же домашнее задание и проверял его на следующем уроке. В реальности такой метод, особенно на начальных этапах внедрения устава, мог быть воплощен только в старших классах, где учеников было намного меньше, чем в младших, иногда в 3–4 раза. Численность учащихся младших классов в Белгородской семинарии в этот период достигала 190 человек. Из-за малого числа преподавателей опросить всех учащихся за урок было невозможно. Иногда опрашивали лучших учеников. Но зачастую преподаватели успевали лишь надиктовать лекции. Из такого плачевного положения выходили путём привлечения способнейших учеников для проверки домашнего задания у прочих учеников. Способнейших учеников называли авдиторами. Подобная система образования, естественно, была негласной [10, С. 1067]. Большая численность учащихся также приводила к низкой учебной дисциплине, прогуливанию уроков. Инспектор, в чьи непосредственные обязанности входил контроль посещения занятий учащимися, был занят учебной нагрузкой, участием в деятельности правления, экономическими делами, поэтому не мог вполне контролировать деятельность учеников. В помощь инспектору из числа семинаристов назначались старшие, но и они в этом вопросе также были не всегда эффективны. Широко стоял на повестке вопрос бедности учеников. За казенный счёт выучить всех учеников не было возможности, поэтому даже самые бедные ученики иной раз учились за свой счёт. Бывало так, что у них не было обуви, в теплое время они приходили на уроки босиком, в холодное время оставались дома. Наличие учебных руководств тоже оставляло желать лучшего. Их обычно присылали из Комиссии духовных училищ для бесплатной раздачи беднейшим ученикам и продажи тем, кто побогаче. Несмотря на то что их количество сообразовывалось с количеством учеников, в пособиях всегда был недостаток. Это связано с тем, что в Курскую семинарию набирали гораздо больше учеников, чем можно было обеспечить за казенный счет. Полностью обеспечить семинарию учебными пособиями удалось лишь к 1822 году [1, С. 1].

Устав 1814 года требовал написания сочинений по всем предметам. Сочинения должны иметь план, быть простыми и ясными, без вычурности, обязательно рассмотрены со здоровой критикой. На практике сочинения писались не по всем предметам, а только по главным – богословию, философии, словесности. На сочинение в Курской семинарии отводилось от 1 до 3 недель. Письменным работам придавалось больше значения, чем устным ответам [11, С. 1153]. Также устав подразумевал проведение частных и публичных испытаний. Частные испытания были годичными и двухгодичными, публичные – годичными. По мысли устава частные испы-

тания должны подготовить учащегося к публичным испытаниям. На частных испытаниях присутствовала комиссия, во главе которой стоял один из членов правления, также обязательными членами комиссии были преподаватели предметов, присутствовали и другие члены преподавательской корпорации. Публичные выступления были открытыми. В реальности большую сложность для учащихся представляли частные испытания: при их проведении нужно было готовить предметы за весь прошедший курс обучения. К публичным же выступлениям готовились заранее, руководство семинарии, не желая упасть в грязь лицом, оповещало учащихся, предупреждая, о чем они должны отвечать [18, С. 81]. На публичных испытаниях при архиерее и почётных гостях выставлялись лучшие ученики, их опрашивали долго и подробно, после отъезда сановитых гостей опрашивались ученики послабее, бегло и неглубоко.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

По уставу 1814 года семинария под руководством ректора делилась на три подразделения: учебную часть, воспитательскую и экономическую. За воспитание учащихся отвечал инспектор семинарии, к двум другим частям он не имел отношения и не мог в них вмешиваться, за исключением тех недостатков учебной или экономической части, которые вели к снижению нравственности учащихся. Все локальные правила и распоряжения инспектор должен был согласовывать с правлением. Инспектор избирался семинарским правлением из профессоров семинарии с одобрения правящего архиерея с последующим утверждением правления академии. Первым инспектором Курской духовной семинарии был протоиерей Иоанн Моисеев, он не имел нареканий по службе, к семинаристам был внимателен, хорошо их знал. Должность инспектора занимал с 1817 по 1832 год. Преемником протоиерея Иоанна Моисеева был иеромонах Израиль Лукин, к семинаристам был снисходителен, занимал должность инспектора до 1834 года. Третьим инспектором семинарии в рассматриваемый период был иеромонах Евпсихий (Гиренко). В помощь инспекторам в семинариях был устроен «институт» старших. Это были воспитанники, чаще всего старших классов, которые являлись помощниками инспектора. Старшие были в классах, квартирах и казённых домах, их ещё называли цензорами. Инспектор отдавал свои распоряжения по семинарии через старших. Самый старший из старших назначался обязательно из класса богословов. Значение старших либо возвышалось, либо умалялось инспектором семинарии. Так, протоиерей Иоанн Моисеев настолько внимательно лично вникал в дела всех семинаристов, что старшие при нем имели номинальное значение. При других инспекторах, которые опирались на старших, иногда доходило до наушничества, шпионажа и желания старших угодить инспектору. Инспектор должен был лично посещать казеннокоштных учеников в их комнатах, а квартирных – в их квартирах. Во время подобных посещений ученических комнат и квартир инспектор должен был наблюдать за тем, чтобы ученики занимались делом, согласно распорядку дня, и читали только одобренные начальством книги. Казеннокоштные воспитанники всё время обязаны были проводить в казенном доме и не имели права никуда отлучаться без разрешения инспектора. Ученики увольнялись из казенного дома обыкновенно только на воскресные и праздничные дни к ближайшим родным. Все ученики без исключения увольнялись в дома своих родителей или родных трижды в год: на рождественские праздники, на пасхальные святки и на летние вакации. Все ученики обязаны были из этих отпусков возвращаться к установленному сроку, обязательно отмечаться у старшего или самого инспектора. В рассматриваемый период в Курской семинарии распространена была так называемая явка, когда ученик подносил каждому учителю какой-либо подарок. Это могли быть деньги, разная дичь, мука и другие зерновые припасы, чай, сахар, орехи, грибы и т.п. «Явка» совершалась открыто, и ни ученики, ни учителя нисколько не стеснялись ее.

Наоборот, к «не явившемуся» некоторые наставники позволяли себе относиться недружелюбно. Процветание таких «явок» объясняется ничтожной зарплатой в духовных заведениях [8, С. 853].

Одним из важнейших воспитательных средств устав 1814 года признавал поощрение за благонравие и наказание за проступки. В поощрение за благонравие употреблялись следующие награды и отличия: а) похвала и одобрение инспектора в комнатах пред товарищами; б) причисление ученика к разряду старших не по должности, а для почести со всеми преимуществами, сему присвоенными; в) по предложению инспектора правление могло призывать к себе отличившегося в благонравии ученика и изъявить ему в полном собрании свое одобрение; г) на экзаменах и в других семинарских собраниях с кафедры по определению правления объявлялись имена учеников, благонравием своим отличное внимание заслуживающих, и вместе с тем делались им подарки книгами с надписью. Подобным образом к неблагонравным и строптивым воспитанникам устав разрешал применять наказания: а) увещание и выговор инспектора в комнатах при одноклассниках; б) назначение особого места за столом ниже всех и в стороне от других; в) осуждение на хлеб и воду от 1 до 7 дней. Эти три рода наказаний применялись к ученикам собственною властью и по собственному усмотрению инспектора. Кроме того, были и другие виды наказаний: а) строгий выговор в правлении; б) уединенное заключение по определению правления; в) исключение из семинарии и отсылка к гражданскому начальству. Эти наказания накладывались правлением семинарии.

Приведенное правило устава предоставляло семинарскому начальству полную свободу в выборе наказаний для виновных учеников, поэтому практиковались телесные наказания. Существовали самые различные их виды: наказывали в комнатах и квартирах, где наказывающими являлись старшие; более провинившихся наказывали в классах, где экзекуторами являлись или сами наставники, или ученики. Иногда телесные наказания проходили при полном собрании учеников. Исполнителями этого рода наказаний бывали в большинстве случаев сами же ученики, причем в качестве экзекуторов назначались преимущественно люди сильные и жестокие. Самыми распространенными нарушениями дисциплины были частые самовольные отлучки из казенного дома, дерзость, драки, упрямство, заклад казенных вещей, картежная игра и употребление спиртных напитков [8, С. 856].

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Источниками средств материального содержания семинарии были следующие: штатная сумма, бурсачные или сиротские суммы, доходы от продажи венчиков и разрешительных молитв. Также отдельной статьей дохода был так называемый бурсачный капитал, который был пожертвован разными лицами. Он представлял собой процент от суммы, которая хранилась в Московском опекунском совете. У семинарии были и другие незначительные доходы в виде пожертвований.

Брались деньги и за обучение своекоштных воспитанников, а также штрафы с родителей, чьи дети с опозданием прибыли с каникул. В пользу семинарии шли и штрафы с тех преподавателей семинарии, которые не хотели проповедовать в городских церквях согласно расписанию и благословению правящего архиерея [13, С. 200–201].

Штатная и бурсачная сумма представляли собой постоянный доход семинарий. Штатная сумма – та, которая положена по штату. Курская семинария всегда относилась к низшему штату и получала минимальную сумму из возможных. Бурсачная сумма – та, которую выделяла Комиссия духовных училищ на содержание беднейших учеников и сирот. В дополнение к ним прибавлялась выручка от продажи заупокойных венчиков и проходных молитв, которая сдавалась настоятелями храмов епархии, а затем возвращалась от Комиссии духовных училищ в семинарию. Контроль над поступлением и расходованием

средств вела Комиссия духовных училищ посредством академического правления. Штаты духовных учебных заведений дважды пересматривались за рассматриваемый период, и всегда Курская семинария попадала в третий, низший разряд. В связи с повышениями цен штатные суммы пересматривались в сторону увеличения и для Курской семинарии составляли от 12 850 до 24 900 рублей.

Начиная с введения штатов в 1808 году в духовных учебных заведениях преподаватели, наставники и служащие семинарии обеспечивались жалованием. Его несущественно индексировали в 1820 году и увеличили почти в 2 раза в 1836 году. Но всё равно жалование преподавателей, наставников и служащих было крайне невелико. Многие преподаватели уходили на светскую службу или в духовенство из-за низкой оплаты труда. Руководство семинарии пыталось обеспечить жильём преподавательский состав, но из-за нехватки помещений педагоги вынуждены были нанимать квартиры за свой счёт, а жильё в Белгороде было дорогим, спрос на него возрастал по причине постоянного пребывания военных. Преподаватели по бедности не обзаводились семьями, а иной раз умирали в полной нищете, их хоронили за казённый счёт. Таким образом в Курской семинарии был похоронен профессор А. Андреев в 1834 году и учитель словесности А. Славинский в 1836 году [13, С. 232].

Воспитанники семинарии по своему содержанию делились на «козеннокоштных, полукозеннокоштных и своекоштных». Белгородской семинарии полагалось 100 «козеннокоштных» окладов по 70 рублей каждый с 1808 по 1820 год, затем по 120 рублей с 1820 года. В 1836 году количество «козеннокоштных» мест увеличилось до 130. «Козеннокоштные» ученики обеспечивались помещением, одеждою, книгами, пищей. «Козенное» обеспечение предоставлялось сиротам и в редких случаях отличникам по учёбе и прилежанию из бедных семей [4, С. 1]. «Полукозеннокоштные» ученики обеспечивались только «помещением и пищею». К таковым относились сироты, почему-то не принятые на «козенный кошт», и дети духовного звания из малообеспеченных многодетных семей. В рассматриваемую эпоху нередки прошения родителей о переводе учащихся из «своекоштных» в «козеннокоштные». Зачастую причиной выставляется нищее положение многодетных семейств или невозможность обеспечить двух и более одновременно учащихся детей, нередко прошения писали вдовы [3, С. 5].

Правление семинарии могло принять на казенное обеспечение любое количество учащихся, но оплачивалось им не более положенного по штату. Средств, выплачиваемых государством, было недостаточно не только из-за мизерности сумм, но ещё и из-за того, что выделенные деньги не всегда шли по назначению. Правление семинарии в своих отчетах академическому правлению не раз указывало на то, что средства на содержание домов, на устройство кухни и переделку бани брались из денег, выделяемых на «козенное» содержание учеников [13, С. 238]. Средства, отпускаемые семинарии, всегда были в жесткой экономии. Согласно уставу «козеннокоштные» ученики должны находиться в комнатах теплых и освещенных, хорошо проветриваемых и опрятных, иметь отдельные умывальные комнаты. Также должны быть комнаты отдыха для прислужников и отдельная столовая для больницы. На практике такие требования устава не соблюдались. Комнаты плохо топились и освещались. Сальные свечи выдавались в ограниченном количестве из-за опасности пожара, а после 22.00–23.00 ученики могли пользоваться только свечами, купленными за свой счёт [14, С. 257]. Содержание комнат также оставляло желать лучшего: из-за большого количества проживающих в них было тесно, душно и неопрятно. Белились комнаты один раз в несколько лет, полы в них мылись раз в год во время летних каникул. Места под отдельные умывальные комнаты также не было. Был недостаток и в кроватях. Необходимое количество кроватей и матрацев в семинарии появилось только в 1830 году. Несмотря на обеспечение спальными местами, «козеннокоштным» ученикам

не хватало стульев, книжных и платяных шкафов. Их вещи лежали на полу, что не доставляло опрятности помещениям.

В одежде «козеннокоштных» учеников тоже не было единообразия, так как большинство ходили в собственной. Это не было нарушением семинарского устава от 1814 года. В § 221–223 описаны комплекты одежды и постельных принадлежностей, которыми должны быть обеспечены «козеннокоштные» учащиеся на год, на два года и на три года, но при недостатке средств у семинарии устав предполагал, что будут обеспечиваться только самые бедные учащиеся. При этом казённые средства совсем не выделялись на тёплую верхнюю одежду, так как предполагалось, что «козеннокоштные» ученики будут жить при семинарии и всегда находиться в помещениях. Это невозможно было выполнить в Курской семинарии, так как при семинарии не было собственного храма, до определенного времени не было собственной бани, да и классы и столовая находились в отстоящих друг от друга корпусах. Одежда на «козеннокоштных» учеников шилась в минимальном количестве и на продолжительный срок. «Нередко можно было видеть учеников в поношенной, разорванной, засаленной одежде, в разорванных сапогах, из которых торчали пальцы. В теплое время ученики ходили босиком» [15, С. 283]. Из-за отсутствия нормальной прачки и средств гигиены в комнатах, на одежде и на самих воспитанниках заводились паразиты, процветали кожные заболевания.

Прием пищи для «козеннокоштных» семинаристов также регламентировался уставом, он состоял из обеда и ужина. В каждый прием пищи предполагалось подавать по два, а в праздники по три блюда простой, но здоровой пищи. Блюда рекомендовалось подавать разнообразные. В Курской семинарии количество блюд соответствовало уставному, но качество вызывало нарекания и у учащихся, и у ревизоров. Ученический стол зачастую состоял в обед из щей с мясом, грибами или постным маслом и каши гречневой, полбенной или пшенной. На ужин был борщ или щи, которые в пост заменялись горохом. На праздники вместо щей подавали суп и жаркое из картофеля и баранины или говядины. Иногда, но редко на праздники и по воскресеньям в пост подавалась рыба. Собственно, в посты пища была крайне скудной, даже хлеб «подавался мёрзлый и чёрствый», а ученики пытались заготовить к постам сухари, которые размачивали в подсоленной воде и съедали в комнатах [15, С. 288]. В столовой семинарии была только деревянная посуда, никакого столового белья, а тем более про запас в ней, вопреки требованиям устава, не было. Скатерти в столовой, фартуки у поваров, хлебников и столовщиков появились только в 1930 году, в 1936 году были куплены вилки, ножи и столовые каменные тарелки, но употреблялись они только в торжественных случаях. В обычное время ученики ели деревянными, реже оловянными ложками, которые носили с собой. Скатерти в обычные дни не стелились.

Жизнь квартирных семинаристов носила свой оттенок. Большинство «своекоштных» учащихся снимали недорогие квартиры в пригороде Белгорода, обитая в них по 8–10 человек и более. Там, где родители имели возможность привозить учащимся продукты, стол готовили хозяева квартиры. В каждой квартире из учащихся назначался старший, был также старший над несколькими квартирами и старший над всеми семинаристами, живущими в квартирах. Жить на квартире считалось лучше, хотя много зависело от отношения хозяев квартиры. Нередко учащиеся жили в плохо отапливаемых квартирах с недостаточным питанием, но одевались лучше и теплее, чем «козеннокоштные» ученики [16, С. 305–309]. В Курской семинарии для надзора за квартирными семинаристами в помощь инспектору назначалось ещё два человека из числа преподавателей: один надзирал квартиры восточной части города, другой – западной. В реальности квартиры учеников посещались только при происшествиях. Квартирные семинаристы чаще пропускали уроки и богослужения. Так как своей церкви при семинарии не было, то жившие при семинарии

учащиеся ходили на богослужение в Троицкий кафедральный собор, те, кто жил на квартирах, могли посещать приходские церкви, но со стороны семинарии за этим контроля не было.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Согласно уставу 1814 года семинария управляется семинарским правлением под ведомством епархиального архиерея. В правление входят ректор, один из профессоров и эконом. Ректор должен быть доктором богословия, архимандритом (игумен или протоиерей первоклассной церкви), членом консистории. Он назначается академическим правлением по представлению правящего архиерея и может быть уволен только по решению правления академии. Второй член семинарского правления – профессор – выбирается ежегодно из профессоров семинарии. Эконом утверждается архиереем по представлению ректора. Семинария имеет независимость от Духовной консистории и ограничивается перепиской с ней. Правление семинарии в своих делах подотчетно правящему архиерею. При разногласиях в вопросах окончательный вердикт по делу выносит академическое правление.

Семинарское правление имеет следующие обязанности: 1) определять профессоров в семинарию по аттестатам окружной академии, увольнять их; 2) проводить экзамены в семинарии, составлять разрядные списки, выдавать аттестаты; сообщать академическому правлению списки учащихся и их результаты; иметь надзор за уездными училищами посредством их ректоров.

Правление Курской семинарии доставляло правлению Киевской духовной академии следующие сведения: ведомости о предписаниях, полученных из академического правления; сведения о вакансиях по семинарии и училищам; ведомости со списками лиц, служащих при семинарии и училищах; формулярные списки лиц, служащих при семинарии и училищах; сведения об учёных трудах начальников и наставников семинарии и училищ; данные об освидетельствовании библиотек фундаментальных семинарской и училищных с реестрами книг, поступивших вновь в библиотеки; представления к чинам лиц светского звания, служащих при семинарии и училищах; сведения об освидетельствовании семинарского и училищных архивов, семинарского и училищного имущества вместе с ведомостью о решенных и нерешенных делах правления; перечневые и именные ученические ведомости и ведомости об учениках, уволенных по прошению; перечневые книжные отчеты; сведения о внесении экономических отчетов по семинарии и училищам для поверки во временный ревизионный комитет; разрядные с отметками поведения ученические списки, журналы испытаний, конспекты уроков, ведомости об учениках, особенно замеченных в поведении, и табели ученических успехов. Из сказанного очевидно, что правление Курской семинарии по смыслу устава 1814 года было только исполнительным органом внешнего правления Киевской духовной академии и отдавало этому последнему подробный отчет во всех важных делах.

Во главе семинарского правления стоял ректор. В рассматриваемую нами эпоху истории Курской духовной семинарии было четыре ректора. Первым (с 1817 по 1829 г.) был протоиерей Иоанн Савченков. Он возглавлял семинарию ещё до начала реформ. Несмотря на то что почти сразу «влился» в нужное русло, всё же в его деятельности видна косность дореформенной школы. При реформе о.Иоанн смог сохранить число обучающихся, в то время как в других учебных заведениях как не отвечающих требованиям реформы их число резко сократилось. Второго ректора Комиссия духовных училищ назначила самостоятельно, им стал бакалавр Киевской академии иеромонах Анатолий (Мартыновский). Его возвели, согласно требованию устава, в сан архимандрита. В 1832 году он был переведен на должность ректора в Новгородскую духовную семинарию. Преемником архимандрита Анатолия стал архимандрит Елпидифор (Бенедиктов). Скромный и смиренный, он управлял семинарией до 1837 года. После

архимандрита Елпидифора ректором Курской духовной семинарии стал архимандрит Варлаам (Успенский), один из самых строгих ректоров семинарии, он занимал эту должность до 1843 года [7, С.735].

Вторым членом семинарского правления был избираемый из преподавательского состава профессор, на практике он имел право совещательного голоса, а не реального управления.

Третьим членом семинарского правления был эконом. С 1817 по 1839 год на должности эконома семинарии сменилось также четыре человека. Долгожителем в этой должности был архимандрит Иоасаф (Юнаков), который являлся экономом семинарии с 1817 по 1829 год. За это время на него были возложены очень ответственные послушания, требующие большого внимания, такие как член семинарского правления и член Духовной консистории, эконом архиерейского дома, настоятель двух монастырей и благочинный ещё нескольких монастырей. Нормально справляться с должностью эконома семинарии у него не получалось. После ревизии протоиерея Иоанна Скворцова архимандрит Иоасаф был освобожден от должности эконома семинарии. После смены за короткое время ещё двух экономов эту должность занял священник Иоанн Золотарев, который пробыл в ней с 1832 по 1839 год. Согласно уставу в обязанности эконома входили прием, хранение и расходование казённых денег, приготовление всего необходимого для содержания семинарии, кроме кабинетов и библиотеки, наблюдение за состоянием зданий, отоплением и освещением их, а также за одеждою семинаристов и их питанием. В своих действиях эконом семинарии был подотчётен семинарскому правлению. Он также имел помощников, называемых комиссарами, которые избирались из среды семинаристов. Эконом отвечал за сохранность казённых денег [20, С. 150–152].

По уставу 1814 года в подчинении семинарии низших духовных училищ была некоторая субординация. Непосредственно семинарии подчинялись уездные духовные училища, а уездным училищам подчинялись приходские духовные училища. Контроль над уездными училищами осуществлялся посредством переписки и ревизий. В правах семинарского правления было заменять должность смотрителя училища с разрешения правящего архиерея путём согласования кандидата с академическим правлением. Также семинарское правление утверждало или предоставляло учителей для уездных училищ и выполняло роль судьи при конфликтных ситуациях учителей со смотрителем. В обязанности ректора и инспектора Курской семинарии входило периодическое ревизование подчиненных духовных училищ. Но они проводили ревизию только Белгородского уездного училища, об успехах остальных училищ судили по итогам вступительных экзаменов кандидатов, направленных из уездных училищ в семинарию, и по письменной отчётности. Такой порядок был до 1820 года, пока ревизор от академического правления иеромонах Мелетий не обратил на это внимание. С тех пор уездные училища ревизовались раз в 2–3 года [21, С. 452].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформы в сфере духовного образования 1808–1814 годов позволили как улучшить, «одухотворить» богословскую мысль русских духовных школ, так и обнаружить скрытые недостатки. Было учреждено единое централизованное управление всеми духовными училищами России. Разделенные на 4 вида духовные учебные заведения имели взаимоподчинение в учебной, административной и экономической сферах. Было улучшено материальное содержание духовных заведений, хотя и этих средств не хватало. Отличительной особенностью реформы 1814 года было то, что она ставила целью улучшение духовного образования, а не проводилась в силу меняющейся политической ситуации. Был повышен профессиональный уровень преподавателей, а учащиеся мотивированы на успехи в учёбе введением разрядов [27, С. 76]. В дальнейшем, особенно после изме-

нений в системе духовного образования, происшедших после 1839 года, реформа 1814 года в целом оценивалась как положительная, носившая задатки критического мышления в богословии и приближала его к церковной жизни [25, С. 161].

Из минусов, с которыми столкнулись в Курской семинарии при реализации реформы духовного образования, можно отметить сохранение сословности при приёме, обязательность обучения детей из семей духовенства, даже нежелающих и неспособных.

В построении учебного процесса можно отследить следующие недостатки: переполненность классов учениками и невозможность из-за этого нормально контролировать успеваемость, излишняя снисходительность к слабым ученикам; отсутствие определенной программы и точного распределения учебного материала по отделениям и классам в отношении ключевых предметов, преподаваемых в семинарии, что приводило к тому, что ученики семинарии, например, одни священные книги изучали несколько раз, а о других ничего не слышали за все годы обучения в семинарии.

В сфере воспитания можно заметить следующие недостатки: уровень воспитательской службы зависел от характера и взглядов инспектора; слабость инспекторского надзора за семинаристами из-за большого их количества и разных мест проживания, присутствие системы телесных наказаний, развивающей жестокость, лживость.

В сфере материального обеспечения наблюдается хронический недостаток материальных средств. При наличии хорошего содержания можно иметь просторные классы и общежитие на всех учащихся, необходимое количество учебных пособий, необходимые средства быта и гигиены, одежду по сезону для «козеннокоштных» учащихся, достойную зарплату учителям, необходимое количество воспитателей инспекторской службы и т. д. Всё это было в недостатке в рассматриваемый период существования Курской семинарии.

В сфере административного управления из недостатков можно отметить многоотчётность. Как минимум ежегодные отчёты – учебный, книжный и экономический, а также ведомости и прием отчётности от 14 низших училищ.

Библиография / References:

1. Бугров Ю. История Курской епархии. – Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС», 2003. – 104 с.

2. ГАКО (Гос. арх. Курск. обл.). – Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12.

3. ГАКО. – Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 4–7.

4. Затолокин И. (священник). Духовное образование в Синодальную эпоху на примере Курской епархии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: http://www.orthedu.ru/ch-hist/8138-13.html (дата обращения: 21.02.2023).

5. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 807 с.

6. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 29. – С. 635–646.

7. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 33. – С. 734–747.

8. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 38. – С. 848–856.

9. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 40. – С. 879-886.

10. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 48. – С. 1063-1074.

11. Курские епархиальные ведомости. – 1893. – № 51–52. – С. 1144–1159.

12. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 10. – С. 196–203.

13. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 12. – С. 230–239.

14. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 13. – С. 256–261.

15. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 14. – С. 280–288.

16. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 15. – С. 304–314.

17. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 2. – С. 129–136.

18. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 4. – С. 79–87.

19. Курские епархиальные ведомости. –

1894. – № 7. – С. 129–136.

20. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 8. – С. 145–152.

21. Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 23. – С. 450–458.

22. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXX, 1808–1809. Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 21.02.2023).

23. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXXII. 1812–1814. Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=150&regim=3 (дата обращения: 21.02.2023).

24. Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://www.libfox.ru/356698-igor-smolich-istoriya-russkoy-tserkvi-1700–1917-gg.html (дата обращения: 21.02.2023).

25. Сухова Н.Ю. Воспитание юношества, Церкви посвященного: духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и святитель Филарет // Филаретовский альманах. – 2011. – № 7. – С. 141–162.

26. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Выпуск первый. Время комиссии духовных училищ. – Вильна: Типография «Русский почин», 1908. – 385 с.

27. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.

1. Bugrov YU. Istoriya Kurskoy yeparkhii [History of the Kursk diocese]. – Kursk. – MU Izdatel'skiy tsentr YUMEKS, 2003. – 104s. (In Russ.).

2. GAKO (Gos. Arkh. Kursk. obl.). – F.792. – Op.1. – D.8. – L.12. (In Russ.).

3. GAKO. – F.792. – Op 1. –D.43. – L.4–7. (In Russ.).

4. Zatolokin I. (svyashchennik) Dukhovnoye obrazovaniye v Sinodal'nuyu epokhu na primere Kurskoy yeparkhii [Spiritual education in the Synodal era on the example of the Kursk diocese]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: http://www.orthedu.ru/ch-hist/8138-13.html (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

5. Znamenskiy P. Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. – Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1881. – 807s. (In Russ.).

6. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti [Kursk Diocesan Vedomosti]. – 1893. – №29. – S.635–646. (In Russ.).

7. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №33. – S.734–747. (In Russ.).

8. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №38. – S.848–856. (In Russ.).

9. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №40. – S.879-886. (In Russ.).

10. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №48. – S.1063-1074. (In Russ.).

11. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1893. – №51–52. – S.1144–1159. (In Russ.).

12. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №10. – S.196–203. (In Russ.).

13. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №12. – S.230–239. (In Russ.).

14. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №13. – S.256–261. (In Russ.).

15. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №14. – S.280–288. (In Russ.).

16. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №15. – S.304–314. (In Russ.).

17. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №2. – S.129–136. (In Russ.).

18. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №4. – S.79–87. (In Russ.).

19. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №7. – S.129–136. (In Russ.).

20. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №8. – S.145–152. (In Russ.).

21. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti. – 1894. – №23. – S.450–458. (In Russ.).

22. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Tom XXX, 1808–1809. Pechatano v tipografii II otdeleniya sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

23. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Tom XXXII. 1812-1814. Pechatano v tipografii II Otdeleniya sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=150&regim=3 (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

24. Smolich I.K. Istoriya Russkoy Tserkvi 1700-1917 [History of the Russian Church 1700-1917]. – M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa svobodnyy. – URL: https://www.libfox.ru/356698-igor-smolich-istoriya-russkoy-tserkvi-1700–1917-gg.html (Data obrashcheniya 21.02.2023). (In Russ.).

25. Sukhova N.YU. Vospitaniye yunoshestva, Tserkvi posvyashchennogo: dukhovno-uchebnaya reforma 1808–1814gg. i svyatitel' Filaret [Education of Youth Consecrated to the Church: Spiritual and Educational Reform of 1808–1814. and St. Philaret] // Filaretovskiy al'manakh. – 2011. – №7. – S.141 – 162. (In Russ.).

26. Titlinov B.V. Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii. Vypusk pervyy. Vremya komissii Dukhovnykh Uchilishch [Theological school in Russia in the 19th century. Release the first. The time of the commission of the Theological Schools]. – Vil'na: Tipografiya Russkiy pochin, 1908. – 385s. (In Russ.).

27. Fedorov V.A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyy period (1700-1917) [Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700-1917)]. – M.: Russkaya panorama, 2003. – 480s. (In Russ.).